

Цинь Няньчжи, едва ступив на порог зала суда, заметил, что взгляды окружающих изменились. В них больше не было той жгучей ненависти и отвращения, что вчера.

Особенно странно вели себя молодые женщины: их глаза блестели от слез, а взоры, полные сочувствия и жалости, светились какой-то необъяснимой материнской нежностью. Неужели до них дошли еще более нелепые слухи?

Старый герцог Байли Хань по-прежнему сиял, самодовольно предвкушая победу. Вероятно, он был уверен, что Няньчжи уже не выкарабкается, и в этот раз даже воздержался от язвительных комментариев. Чжао Юньчэн, с пластырем на лице, от скуки вертел в руках нефритовую подвеску. Заметив Няньчжи, он просиял, сжал кулак в жесте поддержки и выглядел как настоящий клоун.

Няньчжи с досадой отвел взгляд и увидел Цзин Мина: у того под глазами залегли темные круги, а лицо было перекошено. По движению губ можно было прочесть: «Доплатишь!»

Няньчжи невольно усмехнулся. На душе стало легче, словно спали оковы, сжимавшие его долгое время. Он понял, что не одинок. Возможно, если она его и не любила, то дело было вовсе не в его пороках...

Раздался резкий удар дощечки судьи.

— Начать слушание!

— Встать!

— Встать!

После ночного допроса показания бывших слуг поместья Цинь были представлены суду. Хотя император Сюаньхэ и был готов к худшему, прочитав эти бумаги, он задрожал от гнева, жалея лишь о том, что не может предать прах покойной госпожи Цинь поруганию.

Шэнь Цяо сделал шаг вперед: В поместье Цинь осталось мало людей. Цинь Юй при жизни был человеком добрым и мягкосердечным к слугам. Нам удалось найти многих старожил, готовых дать показания и подтвердить жестокость госпожи Цинь: истязания собственного сына, убийства наложниц и внебрачных детей.

Цзян Фэн, передвигаясь на коленях, перебил его: Господин судья, это лишь доказывает, что у старшего молодого господина был мотив для убийства. Он и госпожа Цинь давно были в ссоре...

У Цзыи гневно рявкнул: Я тебе слова не давал! Не смей перебивать! Еще раз нарушишь порядок в суде — получишь двадцать палок.

Цзян Фэн осекся и трусливо замолчал.

Затем господин У обратился к дрожащей Госпоже Цзян: Госпожа Цзян, отвечай на вопросы честно. Если скроешь что-то или солжешь, наказание будет суровым. Кем ты приходишься покойной госпоже Цинь и какое отношение имеешь к Цинь Няньчжи?

Женщина, бледная как полотно, пролепетала: Мое настоящее имя Ван Гуйхуа. Я была приданой служанкой покойной госпожи Ли Ли. Позже меня выдали замуж, фамилия мужа — Цзян. Затем по милости госпожи я вернулась в поместье, чтобы присматривать за новорожденным старшим молодым господином Цинь Няньчжи.

Господин У: Значит, ты была его кормилицей?

Госпожа Цзян: По идее, должна была быть, но госпожа не подпускала нас к маленькому господину. Она кормила его сама и ухаживала за ним день и ночь.

Господин У: Старая женщина, ты ведь сама говорила, что госпожа не любила сына и постоянно его била. А теперь утверждаешь, что она сама его кормила? Путаешься в показаниях! Стража, принести орудия пыток!

Госпожа Цзян в ужасе забилась, заливаясь слезами: Помилуйте, господин! Все, что я сказала — правда, выслушайте меня до конца!

У Цзыи нахмурился: Даю тебе последний шанс. Говори ясно. Ты несешь ответственность за дачу ложных показаний против чиновника.

Женщина, захлебываясь от благодарности, начала свой рассказ.

По ее словам, отец Цинь Няньчжи, Цинь Юй, имел любимую наложницу, чье влияние пошатнуло положение госпожи Ли Ли. Чтобы удержать власть, госпожа, желая родить первенца раньше соперницы, прибегла к стимулирующим средствам. Цинь Няньчжи родился недоношенным, на восьмом месяце, из-за чего был слаб и болезнен. А спустя всего несколько дней наложница родила здорового и крепкого второго сына — Цинь Хэнчжи.

Няньчжи опустил глаза, пряча чувства, словно слушал историю о ком-то чужом.

Госпожа Цзян продолжала: Но госпожу это не спасло. Старший господин рос болезненным, а второй — здоровым и смышленным, поэтому отец любил его больше. К тому же из-за преждевременных родов госпожа больше не могла иметь детей, поэтому возненавидела старшего сына. С годами эта ненависть росла: его постоянно запирали и били.

Когда в три года он начал учиться и проявил удивительные способности, отец обратил на него внимание. Но госпожа все равно была недовольна: она часто запирала его в тайной комнате на

два-три дня, выпуская лишь перед возвращением отца. Если не верите, общитесь Двор Падающего Лотоса — тайная комната находится в ее кабинете.

Присутствующие помрачнели. Никто не ожидал, что госпожа Цинь была настолько безумна — даже дикий зверь не ест своих детенышей, а тут человек!

Шэнь Цяо: Ваше Величество, я действительно обнаружил тайную комнату в опечатанном Дворе Падающего Лотоса. Думал, там просто хранили ценности, но оказалось — там держали господина Няньчжи. Старые слуги подтвердили слова этой женщины.

Император Сюаньхэ, сдерживая ярость, процедил: Продолжай.

Госпожа Цзян кивала, как заведенная: ...Так старший господин дожил до десяти лет. А потом случилась беда на охоте, и господин Цинь погиб. Похоронив мужа, госпожа решила избавиться от наложницы и второго сына. Но второй господин исчез после того, как вышел из поместья вместе со старшим братом. Госпожа пришла в ярость и высекла старшего господина тридцать раз, чуть не убив его.

Толпа ахнула.

— Правду говорят: нет ничего ядовитее женского сердца.

— Как такой ребенок, воспитанный этой ведьмой, может быть добрым?

— Мать убрала одну, сын — другого. Спелись!

— Жалко его, но это не оправдание для преступлений.

Император Сюаньхэ не заботился о судьбе наложницы. Он вспоминал, как храбрость Цинь Юя позволила сыну чиновника стать компаньоном принца и получить титул.

Господин У задумчиво произнес: Муж мертв, титул получен, соперники устранены. Сын — компаньон принца. Чего еще было желать?

Госпожа Цзян дрожала: Я не знаю, что было у нее на уме, но она была очень встревожена. В день десятилетия старшего господина, пятнадцатого числа второго месяца, я хотела порадовать его и приготовила лапшу, но не нашла его во Дворе Бамбука. Пошла искать и у искусственной горы увидела, как госпожа и старший господин ссорятся. Они потянули друг друга, госпожа упала и ударилась головой об арочный мост. Я закричала, господин убежал. Я хотела помочь госпоже, но она была без сознания, и у нее началось кровотечение. Я побежала за помощью, а когда вернулась, дворецкий нашел старшего господина у пруда — он был без сознания, бледный, почти мертвый. Вызвали врача, господин выжил, а госпожа умерла при родах.

Господин У: Ты точно видела, что это он толкнул ее и убежал?

Госпожа Цзян кивнула: Он был к ней спиной, весь промокший, но это был его день рождения, и он был в одежде, которую я ему сшила. Других детей в поместье не было.

Господин У продолжал: Если он убежал, почему оказался у пруда?

Госпожа Цзян: Наверное, испугался и вернулся, решив разыграть спектакль.

Господин У кивнул и посмотрел на Няньчжи с жалостью: Обвиняемый, есть что сказать?

Няньчжи вздохнул. Теперь он решился.

— Это был не я. Я тогда был тяжело болен. В тот день кормилица моей матери столкнула меня в пруд, пытаясь утопить. Меня чудом спасли. А когда я очнулся, узнал, что мать умерла.

Он посмотрел на Цзин Мина: Из-за наказания матери я несколько дней был в горячке, не мог даже стоять. Меня лечил врач из зала Наньшань.

Цзин Мин подал несколько пожелтевших записей: Двенадцатый день второго месяца, двенадцатый год Цинхэ: у старшего господина тяжелые раны, нагноение, высокая температура. Пятнадцатое число: утопление, холод, повреждение легких, пульс почти пропал. Спасли золотыми иглами.

Цзин Мин вздохнул: Мой отец лечил семью Цинь. Проверьте записи. Господин Няньчжи был слаб здоровьем, и то, что он выжил — чудо.

Записи передали императору. От времени бумага пожелтела, а одна страница была испорчена водой. Император почувствовал острую боль в сердце. Каждая строчка кричала о боли его сына. Он хотел спросить ту ведьму, почему она так поступила.

Цзин Мин с презрением посмотрел на Цзян Фэна: Кто сказал, что мой отец был убит? Он умер от старых ран! И ты, — он покосился на госпожу Цзян, — ты хоть понимаешь, что говоришь? Ребенок после тридцати ударов плетью, три дня в горячке — как он мог толкнуть взрослую женщину и убежать?

Госпожа Цзян сжалась: Но я видела...

Байли Хань усмехнулся: Кто знает, может, это ты подделал записи?

Цзин Мин огрызнулся: Старый герцог, если глаза подводят, сходите к моему покойному отцу и

спросите!

Байли Хань побагровел.

В этот момент из толпы вышел мужчина, похожий на Няньчжи: Цинь Няньчжи, ты негодяй! Ты хотел убить не только меня, но и собственную мать!

Няньчжи опешил. Мужчина смотрел на него с такой ненавистью, что люди вокруг отступили.

Судья рявкнул: Кто ты?

Мужчина упал на колени: Прошу, господин! Я — Цинь Хэнчжи, второй сын, которого этот негодяй продал и бросил!

Толпа взревела.

— Это тот самый пропавший?

— Жив? Вернулся за расплатой?

Няньчжи удивленно спросил: Ты — Цинь Хэнчжи?

Мужчина расхохотался: Именно! Отец хранит меня, чтобы я сорвал маску с этого лицемера! Господин судья, прошу наказать этого убийцу!

Няньчжи усмехнулся.

— Чему ты смеешься? — мужчина попытался его толкнуть, но Цзин Мин отстранил его.

— Докажи, что ты — это ты.

Мужчина сорвал верхнюю одежду, обнажив плечо с багровым родимым пятном.

Няньчжи опустил глаза, а Цзин Мин загородил его: Стыд потерял? Оденься!

Мужчина прослезился: Если бы не это пятно, как бы я доказал свою личность? Брат, ты с детства ненавидел меня за любовь отца. А после его смерти обманом вывез меня и бросил! Десять лет я скитался! А ты, став любимцем императора, обманул всех. Если бы не чета Цзян, я бы так и не нашел сил открыться. Брат, покайся! Я не виню тебя, ради отца.

Няньчжи смотрел на это представление, ошеломленный. Даже Цзин Мин и Чжао Юньчэн засомневались.

Байли Хань не упустил случая: Хорошо сказано! Няньчжи, признавайся в преступлениях!

Народ пришел в ярость. Если убийство матери еще можно было оправдать, то предательство брата — нет.

Няньчжи спокойно отодвинул Цзин Мина и посмотрел на повитуху Цао Цзиньсю: Посмотри внимательно, это пятно настоящее?

Мужчина вскричал: Ты хочешь подкупить врача, чтобы сказать, что пятно поддельное?

Няньчжи усмехнулся: Цао Цзиньсю, ты говорила, что у брата было пятно в форме красного облака, а у него — уродливый шрам. Ты уверена? За лжесвидетельство — ссылка на север.

Цао Цзиньсю замялась: Прошло двадцать лет, я плохо помню, кажется, похоже...

Судья ударил дощечкой: Говори прямо!

Женщина разрыдалась: Господин, вы хотите меня погубить?

Няньчжи холодно произнес: Хватит играть. Ты не Цинь Хэнчжи.

Мужчина взревел: Ты просто боишься потерять наследство!

Император Сюаньхэ холодно взглянул на мужчину. Цзян Дэфу понял взгляд: этот человек обречен.

Няньчжи невозмутимо сказал: При рождении отец заказал нам нефритовые подвески с именами. Где твоя?

Мужчина заплакал: Я был ребенком, подвеска потерялась в скитаниях. Ты знал, что у меня ее нет, и сам сделал подделку, чтобы не признать меня! Брат, как ты жесток!

Толпа взывала от ненависти к Няньчжи.

— Мерзкий чиновник!

— Бейте его!

Няньчжи посмотрел на него: Если ты такой актер, почему не идешь в театр? Я уверен, что ты не Цинь Хэнчжи, и дело не в пятне или подвеске, а в...

— Брат!

<http://bllate.org/book/18871/1842377>